

кому, совпав с аманчанин мобилизации войск приграничных областей и началом сосредоточения их к Коприку. Уже на следующий день к позиции русских у названного пункта подошли значительные отряды немцев в течение двух дней или упорная атака, с успехом отраженная нашими войсками. Успех отчасти не был однако развит, так как позиция на левом берегу р. Коприкей-Су отличалась чрезвычайной силой фронтальной обороны, имевшей существеннейший недостаток: «пассивность»; занимающим ее войскам по условиям местности чрезвычайно трудно непосредственно перейти от обороны к наступлению. Вследствие этого дважды уже отбитая турецкая армия отходила с наступлением ночи в полном беспорядке, не без преследования.

Последние сообщения штаба казачьей армии говорят о продолжении боя на Коприкей, о впадении турками в дымовых и новых дивизий. Это свидетельствует о том, что эрзерумский отряд постепенно заканчивает свое законченное сосредоточение к Коприкей. Тот факт, что несмотря на атаки этого пункта русскими районами сосредоточения не отнесены назад, в Гассан-калы или даже к самому Эрзеруму, подтверждает уверенность турок в своих силах и... германское руководство операциями.

Одновременно с сосредоточением эрзерумского отряда к Коприкей намечалось привлечение сосредоточенного в порохского отряда против «батушского» участка.

Таким образом, от трех приграничных нам корпусных районов только со стороны Вана не обнаружилось пока сколько-нибудь значительных неприятельских «присланий».

С. М.—ский.

Петроград, 30-го октября.

Из лодзинских впечатлений

Жизнь три недели в непосредственной близости к германской армии, дающая несколько призрачную картину ее внутренней жизни. Близкая по вышности прусская армия страдала, судя по этим рассказам, глубокими внутренними недугами.

Главней из этих недугов — странная роль, существующая между прусскими офицерами и простыми солдатами. В германской армии офицеры совершенно чужды солдатам. Офицеры часто роскошествуют; солдаты бывают лишены самого необходимого. О хитрости солдат ничего не знают; их систематически обманывают, а общая им нездоровая зависть к другим фронтам, в роду того, что немцами занята Париж, или Киев, что в Варшаву нельзя вступить вследствие свирепствующей там холеры и т. д. Жестокое обращение прусских офицеров с нижними чинами, давно ставшее темой для сатирических листов, давало повод видеть воеводу. У пруссаков не хватало такта даже скрыть от жителей «завоеванного» города, что их офицеры охотно прибывают порой в кулачной расправе.

Брессель еще в глаза лодзинцам неудобство того вооружения, каковы снабжена прусская кавалерия. Прусские узаны должны держать одной рукой пистолет, а другой — поводья; они поэтому стеснены в движениях, не могут действовать быстро, совершенно теряются при схватке с казаком. Прусские кирасиры едут на огромных, статных лошадей, но эти лошади пригодны только для парадов; наших дорог и того корма, который приходится довозить в Россию, они не переносят. Прусский кирасир в своем тяжелом вооружении неповоротлив и, как средостепной рысь, выбитый из седла, оказывается совершенно безмощным. Не лучше вооружение и конница. Вообще прусская кавалерия в вооружении, вопреки тому

что можно было ожидать от немцев, крайне непрактично, — боевое снаряжение, чем пригодно для похода и для боя.

Первые известия о неудачах германской армии на Висле стали проникать в Лодзь уже с 5-го октября. Каждый день какими-нибудь путями приходили в город или варшавские газеты, или сведения, доставленные очевидцами. Немцы решительно опровергали все слухи о своих неудачах, продолжая говорить об атаке, назначенной в Лодзь в воскресенье генерал-губернатора, утверждая, что и в Варшаву квартиры уже распределены, что каждый офицер уже получил приказ, ехать ли ему на Маршальскую, на Новый Свёт или еще куда. Но в то же время появились и признания прусского отступления. Были прекращены работы по укреплению некоторых пунктов восточнее Лодзи. Постепенно были демонтированы мосты на запад. Кресты того или иного стали гораздо менее любезны в обращении с населением, перестали записывать у него, начали платить за деньги, а своими «высказками» на Берлин.

В воскресенье, 12-го октября, вся Лодзь уже знала, что дым Висель на Висле безнадёжно пропало. Лодзьне скрывали свои чувства, чтобы не раздражать врагов. Немцы офицеры тоже скрывали свое разочарование, старались казать и представлять самоуверенными. Общественно притворились друг перед другом.

Во вторник внезапно часть германских войск получила приказание отступить из города, на вернулась в этот же день с подкреплениями, подоспавшими с запада. Однако в Лодзь немцы провели еще только один день. В четверг началось общее отступление. С утра офицеры укладывали свои вещи; солдаты собирались по поклажам, вывозили артиллерию и обозы. Лодзьне с застенчивой радостью смотрели на сборы неприятеля.

— Мы уходим временно, — говорили офицеры. — Нам надо выгрывать фронт. Через две недели мы опять будем здесь. Не забывайте, что Лодзь — немецкий город.

Но никто не обращал внимания на эти заявления. Все видели, что немцы уходили, и уже не было сил таить свою радость. Люди выехали из города, — смотреть на отступление германской армии. Уличные мальчишки кричали из ругательства, быстро прицеливаясь в ворота. В лодзинских улицах в кочки пенявшиеся немцы развезли с ливыми репликациями.

Выступление началось в 4 часа дня и длилось до 2-х часов ночи. Германская армия шла непрерывно густыми колоннами, увозя артиллерию, обозы и багаж на реквизиционных повозках. А вечером в тот же день лодзинская газета вышла уже без немецкой повозки, ее редактором вступил редактор свирепствующей там холеры и т. д. Жестокое обращение прусских офицеров с нижними чинами, давно ставшее темой для сатирических листов, давало повод видеть воеводу. У пруссаков не хватало такта даже скрыть от жителей «завоеванного» города, что их офицеры охотно прибывают порой в кулачной расправе.

В утренних изданиях газет была напечатана приказ генерала Либерта, грозивший смертью за повреждение телеграфов и телефонов, проведенных немцами. А в 10 часов вечера в Лодзь вошли и вали немецкую повозку. В это время под городом раздавались и первые взрывы: подошли прусские казаки развезды.

Утром в пятницу в Лодзь начали входить русские войска. Все гореть, стоявшие на улицах, кричали «ура». С тех пор раздался «ура», «ура», «ура» и без счета корбки широты. Каждому из толпы хотелось дать что-нибудь от себя солдату. Видя, что солдаты садились на что-то, покупали сушку и отдавали проходившему солдату. Около «Grand Hotel», в котором помещался штаб нашей армии, толпа

густола шумную манифестацию, глумясь, крича «ура».

В первый же день было захвачено много пленников. Немцы вешали солдат в домах, занятых под казармы, в помещенных клубов, в частных квартирах. Немцы объявляли, что просили часть выступлений их полка, но больше вярости, что они остались в Лодзи навсегда. Безоценные переходы по тяжелым дорогам истощили пруссаков, и они предпочли садиться в плывы. Как анекдот, рассказывают, что немецкие немцы солдат поехали на пригородном трамвае (хозяин все время настрелывал русской армии, чтобы несорбе садиться в плывы).

Всю пятницу и все следующие дни привозили в город новые партии пленников, захваченных в боях на запад от Лодзи. Пленные и пленники видя людей крайне измученных, совершен-

но измученных. Некоторые не могли ступить и, разувшись, после сапоги в руках. «У меня ногти начали гнить от постоянных походов», — жаловался один из них. — «Мы сдвинули все, что в человеческих силах», — говорил другой. — «Больше мы ничего не можем. Нам постоянно обманывали, говорили, что война — конец. Пусть же они кончат ее без нас!».

Большинство пленников и вообще большинство прусских солдат, бывших в Лодзи, оказались привезенными с французского фронта. Перебежцы с одного конца Европы на другой влились на солдат удручающим образом. Людям, уже привыкшим к условиям войны во Франции, приходилось приспосабливаться к совершенно иным условиям в России. Еще больше удручало солдат то, что обещания их начальства не исполнялись. Постоянно их уверяли, что их

предстоит одно последнее испытание, что им они проведут в богатой, весьма обильной Варшаве. Вместо того приказ отступать из Лодзи на запад; следовательно, опять бегство, опять лежать в сырых окопах, может быть, опять ехать во Францию, в вагонах, битком набитых людьми. Психология простого человека не выдерживала такого потрясения. Прусские бросали оружие и сдавались в плен русским.

Армия, вышедшая из Лодзи, безспорно, деморализована. Так же деморализована и армия, потерявшая поражение на Висле. В аррьергардных боях в западной Польше прусские уже не проявляли своей прежней стойкости, своего прежнего упорства.

Валерий Вохосов.

Варшава, 31-го октября.

ВОЙНА.

(По телеграфу и телефону от наших корреспондентов).

Восточный театр войны.

ПЕТРОГРАД, 5-го ноября (От штаба Верховного Главнокомандующего). Между Вислой и Варгой наши передовые части, ведя бой с наступающими германцами, отходят в направлении на Бузу.

Неприятель успел утвердиться в районе Ленчица—Орлов и выдвинул передовые части к Пионтеку.

В Восточной Пруссии наши войска продолжают с боем продвигаться вперед на обороняемый противником фронт Гумбиннен—Ангербург.

Неприятель оставил во взятых нами окопах у Варшавы свыше 300 убитых. В числе трех офицеров, взятых при этом в плен, обнаружены артиллерийские, назначенный в пехоту вследствие недостатка там офицеров.

На фронт Мазурских озер наши войска достигли линии преволочных заграждений неприятельской позиции и преодолевают их.

На фронт Ченстохов—Кранов наши войска атакуют значительные силы неприятеля, причем в Блодовце противник обращен в бегство.

В Галиции мы постепенно занимаем перевалы через Карпаты.

На Черном море наш флот обстреливал казармы и станцию искривленного телеграфа в Трапезунде.

ПЕТРОГРАД. Из Венции сообщают, что из пяти опубликованных списков раненых и убитых чинов австро-венгерской армии усматривается, что колоссальный процент убитых падает на итальянцев из Трентино

и других областей. Только по этим спискам из 30 тысяч раненых на военную службу третились убито 8,240 чел. и ранено 12,325, т. е. убито больше 2/3. Из Венции сообщают также, что из Триеста и Трентино бегать много представителей итальянской армии, не желающих принимать участие в войне в рядах австро-венгерской армии. В подтверждение этого приводят такой факт: подучив приказ о выступлении в Галицию, один из австрийских офицеров собрал своих подчиненных и вместе с ними бегал в Италию, бросив оружие (ИТА.).

Награды.

ПЕТРОГРАД, 5-го ноября. Высочайше пожалованы: Георгием 4-й степени генерал-лейтенанты: Клемковский, Оголь, Паленчук, святой Его Величества генерал-майор Николаев, командир 6-го Сибирского полка—Сейхулин и 116-го Жаловрославского кавалерийского полка—Жуковский, уланский бригаadier, генерал-лейтенант Ирмак, Георгием 4-й степени командир 1-й батареи 1-го мотострелкового полка—полковник Авербух, 3-го Уральского полка—полковник Мартынов, 1-го саперного батальона подполковник Мацлевский, Георгием 4-й степени полковник генерального штаба Вязов, командир бригады кубанской казачьей дивизии Крымский, командиры: 4-го стрелкового полка—Врошевский, 4-го драгунского Глужского—Байков, подполковники: 83-го Выборгского—Рудневский, 87-го Нейшлотского—Бердичевский, 6-го уланского Волынского—Оремь, командир 11-й конноартиллерийской батареи—Бурков, 1-го стрелкового полка—капитан Шенков, 6-го Донского казачьего—есаул Хохлачев, 3-го Уральского казачьего—подесаулы Любавский и Мартынов, 1-го мотострелкового дивизиона—полковник Григорьев (ИТА.).

На Кавказской границе.

ПЕТРОГРАД (От штаба Кавказской армии). Из 4-му ноября замечено усиление турецких войск на границе Батумской области, где произошло несколько стычек.

В долине Ольты-Чая наша колонна атаковала и опрокинула турок.

На эрзерумском направлении происходила перестрелка, причем наша сторожевая охрана потеснила противника.

2-го ноября нашими войсками с боем взят Дулаг, — важный узел пути в долине Евфрата.

В остальных отрядах — без перемен.

ТИФИСЬ (От нашего корреспондента). Орлеану из Сарыкамша телеграфировать, что после трехдневного боя турки потеряли, по словам, пятнадцать тысяч. Русские полковые отряды продвинулись вперед на восемнадцать верст. Много пленников. Один германский офицер. Из Ватманова выехала на передовые позиции третья группа авиаторов-добровольцев.

Западный те

ПРИЖЬ, 4-го ноября. Официальное сообщение от 4-го ноября. 11 час. вечера, газет: «Неприятель возобновил на восток и юг от Ипра атаки, которые однако не изменили общего положения, остановившись у деревень Гельмунд. За последние два дня наши атаки увеличались больше чем в значительных успехах, и мы продвинулись вперед у Эсеаса на рюк Истер, между Армантгаром и Арраком, в районе Вейн, на Арлонской возвышенности и на правом берегу Мааса.

На правом берегу Мааса особенно отличились егеря. Их удачно поддержала артиллерия, взорвавшая германский блокгауз. На многих пунктах мы вели несколько траншей неприятеля, благодаря стремительности атак нашей пехоты. В районе Марны один из наших снарядов взорвал германские склады боеприпасов, и немедленно же германская артиллерия открыла огонь по Рейху и по собору, давая этим характерное доказательство германских военных приговоров. Взлетели на воздух в Аперонском аэропарке почти все были добровольцами. Многие из них — всего 17 лет. В одной роты насчитывалось лишь 37 взрослых мужчин. Неотбитые сутки должны быть признаны удовлетворительными (ИТА.).

ПРИЖЬ (От нашего корреспондента). После взятия в прошлой неделе Дикомойна германцы повели наступление в двух направлениях: одно — по направлению к каналу Изера (проходящий в трех километрах к западу от р. Изера); другое наступление велось ими в направлении к югу, на Дикхоот. Они уже надылись прорвать оборонительную ли-